

Марианна СОЛОМКО,

Санкт-Петербург

Соломко Марианна Валериевна – поэт, прозаик, переводчик, композитор.

Родилась 30 апреля 1984 года в Ленинграде. Автор поэтических книг «Гуси летели на Север...» (2013), «Что бы ни случилось...» (2014), «Короставник» (2018), детской книги «За грибами со стихами» (2017).

Лауреат региональных и международных поэтических конкурсов, среди которых «Есенинцы» (2018), «Серебряный стерх» (2018), «Славянские традиции» (2018), обладатель Гран-при III Международного поэтического конкурса им. К.Р. Дипломант всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого (2014), лауреат литературных премий «Молодой Петербург» (2014) и «Славянские традиции» (2018). Стихотворения публиковались в литературных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Сербии, Германии, Канады, Великобритании. Переводит с сербского, переведена на сербский и украинский. Член Союза писателей России, член Союза журналистов.

* * *

Отворяй, поляна, ставни –
Одуванчиковы солнца,
Распрямайся, короставник,
Веселитесь, колокольцы,
Улыбнись, пониклый мятлик,
Подорожник, бей в ладоши,
Зверобой, вскочи, примятый, –
Вас не съест сегодня лошадь!

* * *

Романтик с русскими глазами,
С пшеничной тяжестью бровей,
Двумя своими небесами
Возьми меня в густой траве
И опрокинь как птицу в осень,
Которой нужен перелёт
До губ твоих и до колосьев,
Зажги сердец солнцеворот!
Не будет смерти сенокосной,
Лишь плеск кометного малька
И долгий-долгий, в самый космос
Наш взгляд в четыре василька.

* * *

Я слышу голос твой, сестра,
Как начинается на «стра» –
Страданье, страх, стравленье стран, –
Так раны край кроваво-рван.

Янтарны волосы твои,
В зрачках – тяжёлые бои,
И отсвет синих новостей,
И лязг эсэсовских костей.

Я всё узнаю, всё пойму,
Тебя по скайпу обниму.
Пусть всё, что началось на «стра», –
Скорей закончится, сестра.

* * *

В тёплый дом приношу умирать
Покалеченных диких зверушек,
Но лишь на ночь им стол и кровать,
А к утру улетают их души.

Нахожу у тропинок лесных,
На заезженных пыльных дорогах,
И как будто бы их у весны,
У природы ворую, у Бога.

А потом возвращаю назад,
Как людей схоронив и оплавав.
Сколько горести перенесла
Я в своих человеческих лапах.

Всякий раз каждый раненый зверь,
Чуя час издыханья-исхода,
Полз туда, где закрытая дверь,
За которой и смерть, и свобода.

* * *

Когда не вымолвить тоски,
Когда любви не обнаружить,
Бумага рвётся на куски,
Когда редактор смерти кружит,
Хохочут буквы, боль и мрак,
А вдохновение – на убыль, –
Возьми земли простой в кулак
И процеди сквозь пальцев зубы.
И вдруг откроется весна
Зерном нечаянным и острым,
Причалит ангел в два весла
И увезёт тебя на остров.

* * *

Край жаворонковый, певучий,
Где в сказке каждого коленца
Не омраченье вражьей тучей,
А слово первое младенца.
Где солнца яблоко катится
По блюду с голубой каёмкой.
Пой, жаворонковая птица,
Про васнецовскую сторонку,
Пой о горячем каравае,
О корочке румяно-хрусткой,
Пусть льётся песня и взмывает
На глубину исконно русскую!

* * *

Мне по нутру тяжёлый смех
Дождливых груш в саду весёлом,
Веранда в летнем полусне,
В лучах малиновый посёлок,
Лисичек охра на столе,

И пара капель земляники,
И трав душистых одолень,
И облепиха у калитки.
И я, как будто, всё могу –
И утонуть, и прыгнуть к звёздам,
Но лучше – всё прошу врагу
И чалой лошади овёс дам.

* * *

Перекину пастушью сумку
Через левое плечо
И забуду про горечь-скуку,
Пасмурное облачье.

И в рябиновой буду рясе
Грезить по холмам Руси.
Было прошлое, словно ряса,
А теперь-то – гой еси!

Я оставлю дремучий невод –
Шумный город-каланчу,
В бесконечное поле, в небо
Ласточкою улечу.

* * *

Я – роса виноградного слитка,
Я – дождя удалая улика,
Я – и дом, и крыльцо, и калитка,
Я – улыбка слезы. Я – улитка!

Надо мной теплокровные боги
Соревнуются в шаге и в беге.
Не страшны их тяжёлые ноги,
А страшны их усталые веки.

Им я – слизень в хитиновом свитке,
Ракушняк в известковой рубашке,
Виноградень, промокший до нитки
На блестящей асфальтовой плахе.

И когда затрещу, будто крекер,
Беспользные выставив рожки,
Вдруг поднимет усталые веки
В никуда уходящий прохожий.

РАССВЕТ В СТЕПИ

По-над степью густой аромат –
Чуть горчит остепнённый шалфей,
Нараспашку саднит алый мак,
В нём тоскует кузнечик-Орфей.

Крокодиловый бдит богомол
Средь усатой задумчивой ржи.
Ах, сиреневый неугомон!
Ах, шальные расстриги-стрижи!

В кружевах мимолёток-ночниц
Измождённая почва – жаль фей.
Синеок, синеуст, синелиц,
Их баюкает райский шалфей.

А когда поцелует пчела
Медуницу и пижму взахлёб,
Вдруг поднимется из-за плеча
Солнца утреннего красный хлеб.

* * *

Ничего-то и не унести,
И на «не» – ударение даже.
Так в последнем шептанье «прости»
Целой жизни заложена тяжесть.

Ничего-то и не унести,
Но немного можно оставить:
Белый сад, недописанный стих
И наследников добрую память.

* * *

Каркнешь птицею в преддверье
И осипнешь в тот же миг.
Непонятное и зверье
Слово вырыкнет язык,
А на ум надавят корни
Вязов, елей и берёз,
Кроны в обмороке горнем
Восшумят, упившись слёз.

Не старик и не старуха,
А родные – мать, отец –
В никогда однажды рухнут...
Брызнет соком чистотел
Ядовитою янтарью
На декабрьском столе...
Вот тогда и взвоешь тварью
На сиротском костыле.

Неприкаменной стены мы
Смотрим с жалостью огня,
Как горят берестяные
Кудри их на склоне дня,
Как морщинистые руки
Крошат буден чёрствый хлеб.
Но не радость дарим – ругань
И тепла дырявый плед.

Уязвимы те, кто рядом,
Хрупок старческий росток.
В омертвлении нарядном
Забываем о простом.

* * *

Над могильным пепелищем
Песня чёрного стрижа,
Солнце из-под крыльев прыщит.
Жизнь – пустяк, досадный прыщик,
Вскроется – и вон душа.

А на тополях – капелла –
Изумрудная омега
Кладбище собой опела.
Ягод белых лакримоза
На стаккато – зло и мёрзло.

Пошатнулась неба кровля
Между смертью и любовью.
Вот – калина круглой кровью
Каплет по щеке надгробья.
Вот – калитка в забугорье.

Разрумяненный могильщик
Землю рвёт когтём лопаты,
Словно птица некрылата.
Утонув по голенища,
Он на дно поставил днище.

Свищет голубая сойка,
Мол, никто не знает – сколько.
Будет вечно и спокойно –
Трав серебряных настойка,
Золотое место-койко.

